

Наследница Бианки

Окончание, начало на стр. 1-7

Первый год войны семья Бианки провела в Мошенском районе, где снимала дачу. Хозяева дома отказали задержавшимся постояльцам в элементарных условиях существования. Елена Витальевна прекрасно помнит, как они с братом собирали в лесу хворост, чтобы хоть как-то обогреть выстывающее жилище. Связь с «большой землей» поддерживали именно благодаря письмам друзей и знакомых, пусть с колоссальным опозданием, но все же доходившим в Богом забытую избушку. Единственный на всю деревню приемник, который был у семьи Бианки (из него, кстати, весь колхоз и услышал весть о начале войны) пришлось сдать государству. Как и ружье, без которого писатель — заядлый охотник — не мыслил своего существования.

Елена Витальевна рассказала мне любопытную историю, тоже возникшую из переписки. Последняя жена романиста Алексея Толстого Наталья Крандиевская, как известно, до удачного замужества была его личным секретарем. Она много лет знала Виталия Бианки, состояла с ним в дружеской переписке и полностью доверяла его мнению. О степени доверия можно судить по тому факту, что накануне решающего разговора с Толстым она обратилась к Бианки, прося у него совета в столь шекотливом вопросе. Толстой слыл ловеласом, был гораздо старше своей пассии и вообще имел массу недостатков, мешающих в семейной жизни. Виталий Валентинович ответил вполне конкретно. Мол, партия выгодная, соглашайтесь. Но при одном условии. Этот брак не должен вас испортить...

Прошли годы. Писатели ушли из жизни. Остались родственники, продолжавшие поддерживать отношения. Однажды Елене Витальевне с маленьким сыном потребовалось несколько дней перебраться в Москве. Ее первый муж, работник прокуратуры, находился в длительной командировке в столице и взял с собой семью. С гостиницей возникла какая-то заминка, и пришлось обращаться к знакомым в поисках ночлега.

Первой, чей телефонный номер набрала Бианки, была Наталья Крандиевская. Она очень обрадовалась звонку, но, услышав о просьбе, как бы размышляя вслух, сказала:

— Ну что ты, Леночка, у меня же совсем нет места! Спальня, кабинет Алексея Николаевича отпадают. В гостинице тоже не получится. А в комнате домработницы ты же не захочешь...

Женщины еще немного поболтали, а потом Елена Витальевна отправилась вместе с сыном к другим знакомым. Там, в одной комнате коммунальной квартиры, нашлось место не только неожиданным гостям, но и пяти членам приютившей их семьи...

Неизвестный Бианки

История семьи Бианки полна неожиданностей, загадочных событий и легенд. Одна из них совершенно опровергает итальянское происхождение рода, о котором так много сказано и написано. Оказывается, солнечная Италия имеет к этой фамилии очень отдаленное отношение.

Дело в том, что прадед Елены Бианки (кстати, она очень забавно произносит свою фамилию —

«Бьянки», с неуловимым акцентом то ли старой петербургской школы, то ли полиглота, знающего несколько языков) был знаменитым оперным певцом. Но в Германии. И носил неброскую немецкую фамилию Вайс, что в переводе означает «белый». Импресарио исполнителя были недовольны. Имя на афише — тоже залог успеха. А тут еще вокалисту предложили выгодное турне по Италии... Впрочем, выход был найден достаточно быстро. Фамилию Вайс заменили на Бьянки, просто сделав подстрочный перевод фамилии.

Потом к этому испытанному способу прибегали многие потомки оперного певца. Да и сам Виталий Валентинович в годы Гражданской войны был Беляниным. Ситуация тогда не располагала к бравированию звучными иностранными именами. Могли, пардон, и шлепнуть. Однако советское правительство оказалось не без чувства юмора. И будущему знаменитому писателю не разрешили впоследствии принять родовую фамилию. У него в документах так и значилось: Белянин-Бианки.

Впрочем, этот факт скорее относится к разряду курьезов. А вот настоящей сенсацией для меня стала тоненькая потрепанная тетрадошка, в которой удивительно красивым почерком были написаны... стихи Виталия Бианки.

Эту тетрадошку с поэтическими опытами отца, которую он трудолюбиво заполнял еще с гимназических времен, дочь не показывала почти никому. Тетрадь отец ей передал из рук в руки, наказав хранить и, может быть, если когда-нибудь... так сложатся обстоятельства, решить: стоит ли это печатать. На титульном листе рукописного сборника надпись: «Мне захотелось собрать мои стихи и подарить их тебе. Конечно, тут далеко не все, но это начало. Понемногу соберу, дополню, припишу. А уж оформишь как хочешь ты сама в этой бумажке серенькой». Такое вот завещание оставил Бианки своей наследнице.

По словам Елены Витальевны, в душе отец всегда считал себя поэтом. Но, сверяясь с любимым Блоком, стихи которого испещрял многочисленными пометками, он испытывал такие муки самобичевания, что бережно прятал написанное в дальний ящик стола. Эта тетрадка была, пожалуй, для писа-

теля одной из самых больших ценностей.

Дорога она и дочери. Обычно Елена Бианки не дает ее читать посторонним. Только однажды выпустила из рук, для того чтобы опытная сотрудница одного из питерских издательств вынесла свой вердикт по поводу стихов.

Но словно рок какой-то витает над сочинениями Бианки-поэта. Женщина тяжело заболела и вскоре умерла. А поскольку жила она одна, то Елена Витальевна испытала настоящий шок, когда поняла, что отцовские строки навсегда могут быть потерянными. Лишь несколько месяцев спустя она смогла получить тетрадь. И с тех пор стала относиться к ней еще трепетней.

Келья его мечты

Вот и получается, что эта маленькая подборка в «Новгородских ведомостях» — первая поэтическая печатная публикация Вита-

лия Бианки, которая увидела свет спустя 45 лет после смерти писателя.

Открывает подборку стихотворение, написанное маленьким 8-летним мальчиком из благополучной петербургской семьи:

Черной ночи покрывало
Тихо в небо уплывало
И над морем открывало
Ало-желтую зарю.

Или вот «Дон Кихот», написанный в школе «на последнем уроке, в сумерки»:

Образ страдальческий в сумраках
серых
Часто является мне:
Полный безумной отваги и веры
Рыцарь на тощем коне.
В толпы уродливых, призрачных теней
Мечет подъятым копьём.
И непонятно, безумье или гений
Правит бессильным конем.

Елена Витальевна считает, что это стихотворение отец создал на уроке математики. Этот предмет он просто не выносил, поэтому, уходя от скучного мира цифр, погружался в романтический мир литературы, переживая вновь приключения придуманных героев из прочитанных книг.

От безудержного веселья,
От утомившей суеты
Меня, как прежде, скрывает
Моей мечты.
И снится сон мне, яркий странно:
В морской как будто глубине
Мой труп, усталый, бездыханный
Лежит на дне.
Вокруг меня морские травы
Молчат, колышутся слегка.
Мне давит грудь холодный гравий
И трет бока.
Высоко очень надо мною
Проходят лодки, корабли,
И только песнь гребцов порою
Звучит вдали...

Строки эти Виталий Бианки написал в 19 лет. А много позже, уже поняв и полюбив природу Новгородского края, он, бывая здесь, самые сильные впечатления тоже пытался переложить на рифму. В тоненькой тетрадошке, бережно хранимой Еленой Витальевной, стихов «новгородского цикла» немало.

Немногие знают, что, помимо увлечения природой, Виталий Бианки был страстным собирате-

лем русского фольклора. Песни, сказки, местный говор наполняют не одну папку архивного наследия писателя. Увидят ли когда-нибудь эти исследования свет, бог весть...

Где лежит «страна Див»?

Спор о месте нахождения волшебной страны Див, придуманной писателем, ведут сразу несколько районов Новгородчины, на территории которых жил и работал Виталий Бианки. Краеведы Окуловки, Боровичей, Мошенского, Хвойной готовы предоставить массу доказательств, что именно красота их природы потрясла писателя, породив знаменитое выражение.

Елена Витальевна смеется:

— Да, дискуссия, конечно, серьезная! Но, я думаю, никакой конкретной точки на карте не существует. Каждый из уголков этих ли, других районов Новгородчины заслуживает не менее звонких эпитетов. И у каждого страна Див своя...

А вот в другом «новгородском» вопросе дочь писателя не столь любя. Речь идет о создании музея писателя, который по задумке экологов из «Зеленого дома» должен разместиться в стенах нового детского экологического центра. Авторы этой идеи утверждают, что доселе музеев Бианки в России не было. А Новгород, где он провел изрядную часть своей жизни, наиболее достоин создать такую экспозицию. Среди прочих доводов приводилось и согласие наследников поделить с будущим музеем архивными документами, личными вещами писателя.

Оказалось, что ничего подобного ни Елена Витальевна, ни ее сын не говорили. Напротив, в России существует уже несколько музеев Бианки, один из которых создали дальние родственники семьи. Что же касается затеи поделить памятью — передать Новгороду вещи, — Елена Витальевна вообще категорически против:

— Нельзя создавать музей, устраивая его вокруг одной ручки писателя или его печатной машинки! В Новгороде родилась прекрасная идея — создать детский экологический центр. Пусть он носит имя отца, мы будем рады и благодарны за такое доверие, но при чем здесь музей?

С этими доводами наследников трудно не согласиться.

Настоящей сенсацией для меня стала тоненькая потрепанная тетрадошка, в которой удивительно красивым почерком были написаны... стихи Виталия Бианки. Эту тетрадошку с поэтическими опытами отца, которую он трудолюбиво заполнял еще с гимназических времен, дочь не показывала почти никому